

генного фактора. В то же время она содержит большой материал, который может быть практически использован при современном освоении пустынных территорий Южного Приаралья и прогнозировании дальнейших изменений его природной среды.

Широко применяемый автором комплексный метод с использованием данных общей этнографии делает книгу подлинным палеоэтнографическим исследованием, открывающим для науки на материалах северных областей Средней Азии еще одну страницу истории первобытного общества.

Т. А. Жданко, Б. А. Федорович

Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976, 360 стр.

Рецензируемая книга является итогом научной деятельности недавно скончавшейся Елены Багратовны Вирсаладзе — заслуженного деятеля науки Грузинской ССР, замечательного знатока и исследователя грузинского фольклора. Елена Багратовна еще в начале тридцатых годов получила прекрасную фольклористическую подготовку сначала у профессора В. И. Котетишвили в Тбилиси, а затем у профессоров М. К. Азадовского и Н. П. Андреева в Ленинграде. Она совершила много научных экспедиций в различные районы Грузии и тщательно обследовала разные архивы (что, между прочим, привело к открытию первых датированных и ранее неизвестных грузинских сказок). На основе полевых исследований были сделаны серьезные теоретические выводы, которые содержатся в ее многочисленных трудах и в особенности, в двух монографиях «Народно-поэтическое творчество грузинских горцев. Мтиулеты, Гудамкари» (комплексное изучение всех жанров в рамках одного района) и «Грузинский охотничий эпос. Древнейшие циклы» (докторская диссертация). Фольклористы также высоко ценят написанные ею главы в трехтомнике «Грузинское народное творчество» (русский однотомный вариант издан под ее редакцией), статьи о фольклоризме грузинских писателей (Руставели, грузинские романтики, А. Казбеги, П. Какабадзе) и многие другие ее оригинальные работы. Она руководила подготовкой библиографического свода грузинского фольклора, многочисленными публикациями памятников грузинского фольклора (в том числе по-русски — «Грузинские народные предания и легенды»).

Рецензируемая книга — расширенный, дополненный вариант исследования, защищенного ею в качестве докторской диссертации. В этой книге дается описание и углубленный анализ целого пласта (ранее мало известного) грузинской мифологии, ритуала, народной эпики и лирики, соотносимого, по крайней мере типологически, с календарными и иными мифами Средиземноморья и Древнего Востока.

Научные результаты, полученные Е. Б. Вирсаладзе, имеют также принципиальный характер для понимания специфики охотничьей мифологии и охотничьего фольклора в целом, и это достигнуто ею не только благодаря широкому использованию сравнительно-исторических данных по другим народам, но и, главным образом, в силу глубины и точности типологического анализа. Она сумела раскрыть, понять и использовать (о чем она сама пишет в блестящем методологическом введении к книге) своеобразную полистадиальность грузинского фольклора в рамках этногенетически и исторически единой культуры, что дало ей возможность построить целую историческую поэтику фольклора. На сравнительном фоне Е. Б. Вирсаладзе дает сводку разнообразных охотничьих обычаев (главным образом табу) грузинских горцев, а также представлений о хозяевах охоты (сванская Дали, Очопинте у хевсур, месепы Западной Грузии, сванско-осетинский Афсати и др.), но главное ее внимание привлекает фольклорный образ «погибшего охотника» и его мифолого-ритуальные связи с хозяйкой охоты, дарующей ему любовь и охотничью удачу и затем убивающей его за нарушение табу.

Е. Б. Вирсаладзе начинает с рассмотрения широко известных (особенно в Раче, где их исполняют в хороводе) песен о несчастном охотнике и его собаке Курше: охотник забрел на высокую скалу, с которой не может уже спуститься. Он висит над пропастью, зацепившись ремешком от обуви и когда его возлюбленная (реже жена) подстрекает его прыгнуть в ущелье, он падает и разбивается. Истинный смысл этой странной песни раскрывается при сопоставлении со сванскими песнями и преданиями об охотнике Беткиле, которого богиня охоты Дали завлекла на высокую скалу, разрушила путь назад, прядью своих золотых волос привязала его к скале, под обломками которой ему суждено теперь погибнуть. На основании анализа огромного фольклорно-этнографического материала, Е. Б. Вирсаладзе раскрывает анализируемую мифологию именно как историю мести охотнику со стороны хозяйки охоты, подарившей ему свою любовь (представление о сексуальном избранничестве охотника) и охотничью удачу, знаком которой часто является амулет. Она мстит за потерю амулета, разглашение тайны или иное нарушение табу. Гибель охотника является мистериаль-

но-ритуальной. Убедительным тому доказательством является то, что ритуальная песня на этот сюжет, исполняемая в хороводе, связана с весенним праздником в Сванетии. К числу даров хозяйки охоты исследовательница относит и чудесную охотничью собаку Куршу, наделенную, по ее мнению, некоторыми астрально-аграрными атрибутами и отчасти являющуюся, наряду с оленем и туром, инкарнацией хозяйки охоты и шире — богини-матери. Другими зооморфными инкарнациями «божества природы» Е. Б. Вирсаладзе считает змею, рыбу, птицу, чему соответствуют предания о чудесном снаряжении, подаренном охотнику (а затем утерянном, что ведет к гибели) мифическим существом вешани; или о чудесном понимании языка природы (также затем утерянном), данным герою змеей (рыбой). В некоторых сванских преданиях фигурирует Амирани, в качестве сына хозяйки охоты Дали, убитой ревнивой женой охотника (она срезает ее волосы, ср. Далила и Самсон). Охотник спасает недоношенного ребенка — будущего богатыря Амирани (знаменитого грузинского эквивалента Прометея!). Сравнительный материал по другим районам Грузии убедительно подтверждает тезис Е. Б. Вирсаладзе о том, что мотив этот общегрузинский и искони присущий сказанию об Амирани (дающему как бы «патриархальный», менее архаический вариант сказания о погибшем охотнике). И в эпизоде, в котором Амирани приковывают к скале (в этом эпизоде фигурирует и Курша!) исследовательница также усматривает непосредственную связь с традицией охотничьего мифа. Открытие Е. Б. Вирсаладзе нетривиальной мифологической субструктуры эпоса об Амирани следует считать ее блестящим научным результатом.

Е. Б. Вирсаладзе указывает на черты культа мифического охотника, убитого Дали, на почитание скалы, с которой он сорвался, на ритуальные плачи и хороводы, с ним связанные в некоторых местах, прежде всего в Сванетии. Весь этот комплекс Е. Б. Вирсаладзе соотносит сначала с кавказским субстратом, а затем и со средиземноморской «божественной парой» типа Иштари и Таммуза, Кибелы и Атгиса, Артемиды и Актеона и т. п. (заслуживают, в частности, внимания некоторые сближения с сюжетом Артемиды — Актеона).

Из приведенных исследовательницей древневосточных параллелей особый интерес представляют ее соображения об Энкиду (побратиме шумеро-аккадского героя Гильгамеша), как «сыне леса», порвавшего связь с природой по вине женщины. Блудницу, совратившую Энкиду, она сравнивает с коварной невесткой Тамар, спровоцировавшей прыжок охотника в ущелье. По этому поводу напомним, что блудницу в эпосе о Гильгамеше вероятней всего следует рассматривать как заместительницу самой Иштари, что в целом только поддерживает общую концепцию Е. Б. Вирсаладзе.

Большой интерес представляет анализ взаимодействия языческих и христианских представлений в грузинской «охотничьей» мифологии охоты (превращение Дали в злого духа Али и перенесение некоторых атрибутов хозяина зверей и «лунарных» черт на Св. Георгия; ср. интересные результаты по выявлению языческих реликтов в культе христианских святых в работах В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского и др.).

Последняя, не менее блестящая, часть книги посвящена выявлению мифологических корней (в смысле охотничьего мифа) в сюжетике и поэтике грузинского фольклора. Соответствующие архетипы вскрываются и в поэтических образах самой охотничьей поэзии, в сюжетах баллады о сражении «безусого юноши» с барсом (реликт сюжета наказания охотника за убийство чудесного тура) и баллады «Автандил поохотился», в тонике аграрной трудовой поэзии («песни покоса» — мтиблური), в грузинских заговорах и христианских молитвах, в свадебном ритуале (где сама «свадьба» интерпретируется в терминах «охоты»), в грузинских песнях, связанных с родами, наконец, в песнях героических (сравнение со зверями и перенесение на героев «звериных» эпитетов). Этот анализ дает ценнейший материал для исторической поэтики, так же, как и следующее затем рассмотрение форм бытования «охотничьего эпоса» (хоровое исполнение, исполнение запевалой, песни или стихи без музыкального сопровождения). При этом Е. Б. Вирсаладзе высказывает некоторые гипотезы о путях выделения народной лирики и лироэпики из первобытного синкретизма.

Несомненно, отдельные суждения исследователя могут вызвать споры или возражения у других специалистов, будущие полевые и теоретические исследования, может быть, еще больше уточнят нарисованную Е. Б. Вирсаладзе картину грузинской «охотничьей» мифологии и «охотничьей» поэзии, но то, что сделано, представляется нам серьезнейшим научным открытием, а само открытие — результат жизненного трудового подвига Елены Багратовны Вирсаладзе.

Е. М. Мелетинский